

ленъ по нашимъ обрядамъ въ старообрядческомъ Покровскомъ монастырѣ, находящемся въ Черниговской губерніи, и получить въ томъ свидѣтельство отъ тамошняго игумена.

Когда о неприятіи дерловцами, пожелавшими въ 1839 году присоединиться къ единовѣрію, священника Антонова было доведено до свѣдѣнія курскаго губернатора, то онъ писалъ преосвященному Иліодору:

„Дерловскіе раскольники, съ ихъ согласія, были присоединены къ единовѣрію, потомъ же отвергли это присоединеніе... Не прибѣгая къ мѣрамъ строгимъ и рѣшительнымъ, я признаю нужнымъ дѣйствовать на заблуждшихъ и упорныхъ мѣрами кротости, убѣжденіемъ и предостереженіемъ со стороны духовныхъ лицъ, которыя не должны давать и вида, что имъ извѣстны поступки обратившихся въ единовѣріе и потомъ отпавшихъ. Эту мысль мою я основалъ на убѣжденіи, что наши дѣйствія должны быть рѣшительны, но къ нимъ мы не можемъ приступить иначе, какъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ“.

Преосв. Иліодоръ отвѣчалъ губернатору въ слѣдующемъ письмѣ:

„Соглашаясь съ мыслью вашего пр—ва, что предварительно принятія строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ надъ упорствующими въ присоединеніи къ единовѣрію дерловскими жителями, нужно дать дѣлу сему направленіе и ходъ сколько можно осторожнѣе, я съ своей стороны для увѣщанія упорствующихъ назначилъ благочиннаго священника Георгія Яковлева“.

Для разслѣдованія дѣла объ обращеніи единовѣрія жителей деревни Дерловой была учреждена особая коммиссія изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Коммиссія эта прежде всего сочла нужнымъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла, удалить изъ деревни Дерловой на время производства слѣдствія главныхъ виновниковъ упорства въ расколѣ, своими толками отклоняющихъ благія намѣренія прочихъ жителей. Коммиссія считала нужнымъ выслать изъ Дерловой двадцать человѣкъ раскольниковъ, двѣнадцать мужчинъ и восемь женщинъ. Эти женщины

жили въ келліяхъ, устроенныхъ возлѣ часовни, и питались мѣрскимъ подаваніемъ. Настоятельницею этихъ келлій была Евдокія Конарева.

Получивши представленіе слѣдственной коммиссіи объ удаленіи 20 лицъ изъ общества деревни Дерловой, губернаторъ, послѣ соглашенія съ архіепископомъ Иліодоромъ, отвѣчалъ, что онъ не можетъ дозволить это представленіе привести въ исполненіе, „принимая во вниманіе, что удаленіе внезапно столько людей можетъ произвести весьма непріятное впечатлѣніе и даже послужить причиною волненія между старообрядцами“.

Между тѣмъ слѣдствіе, начавшаеся въ деревнѣ Дерловой, продолжалось своимъ порядкомъ. Предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, между прочимъ, сообщилъ губернатору о слѣдующемъ интересномъ фактѣ.

„По производимому дѣлу объ обращеніи раскольниковъ деревни Дерловой къ единовѣрію, была призвана мною къ допросу живущая около старообрядческой часовни въ такъ называемой кельѣ старая дѣвица Мавра Тарасова, которая отъ призыва уклонилась, а мать ея говорила, что она ушла на заработки. Наконецъ сельскимъ начальствомъ Мавра Тарасова была найдена въ своемъ домѣ. На допросѣ, когда я спросилъ о ея имени и фамиліи, она упала на полъ и начала приговаривать:

— Ивашка, Ивашка, сгубилъ ты меня, двѣнадцать годочковъ изъ—подъ пруда.

„Старуха произносила разныя подобныя безсвязныя слова, била себя объ полъ тихонько головой, стучала кулаками, смѣялась, плакала. Не имѣя возможности, писалъ предсѣдатель коммиссій, рѣшить, по умыслу ли Мавра Тарасова была въ припадкѣ во время допроса или вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, и принимая во вниманіе, что расколъ въ дер. Дерловой поддерживается съ одной стороны богатыми людьми, съ другой ханжами—женщинами, поселившимися въ особыхъ избахъ, называемыхъ келліями и находящихся вокругъ старообрядческой часовни, устроенной въ мѣстѣ дикомъ, уединенномъ,